

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИМ

**АТОМНЫЙ
ПОЕЗД**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Орловой Анастасии

Корецкий, Данил Аркадьевич.
К66 Атомный поезд : [роман] / Данил Корецкий. —
Москва : Издательство АСТ, 2016. — 608 с. —
(Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-099588-2

Выпускник ракетного училища лейтенант Кудасов получает распределение на сверхсекретный объект и оказывается в центре сложнейшей оперативной комбинации ЦРУ, направленной на уничтожение самого опасного стратегического ядерного объекта России. А на самом передвижном комплексе «Мобильный скорпион» тоже кипят страсти: любовь, ревность, предательство, психические отклонения, — и каждая из них способна привести к запуску ядерной ракеты.

Ум, выдержка и личное мужество помогают Кудасову не только спастись самому, но и спасти мир от ужасов ядерной войны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099588-2

© Корецкий Д.А.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Чёрный, как вороненая сталь, поезд со свистом рассекал непроглядно-черную сибирскую ночь. Бешено крутящиеся колеса упруго закусывали край отполированного до никелевого блеска бесконечного рельса, как две сходящиеся половинки гигантских ножниц, готовых разрезать надвое все, что попадет между смыкающимися острыми поверхностями. Сейчас попадалась только корка льда и смерзшаяся снежная крошка, которые размалывались чудовищным давлением и превращались в мелкие капельки воды. Завихрения воздуха под вагонами мгновенно высушивали эту воду, вздымали покрывающие шпалы сугробы и выдавливали снежную пыль в стороны, будто старинный угольный паровоз стравливал накопившиеся в котле опасные излишки пара. Лязг стали о сталь, гул двадцатитысячесильных дизелей, — весь грохот несущегося на предельной скорости состава разносился над безмолвной снежной пустыней и постепенно таял в вязком от мороза воздухе.

Яркий голубоватый луч мощного прожектора разрезал молочную тьму на несколько сот метров вперед, в ослепительном световом туннеле клубились мириады снежинок, которые вдребезги разбивались о бронированную грудь локомотива, как мошकारа о лобовое стекло несущегося по трассе «Мерседеса». Казалось, что неукротимый состав вот-вот протаранит низко висящие

4 звезды, и те разлетятся искристо светящимися брызгами, с шипением прожигающими густую пелену предрассветного тумана.

За локомотивом раскачивались на рельсах, стучали колесами, лязгали сцепками семь пассажирских вагонов, при свете луны можно было различить на бортах белые трафаретки с надписью «Тиходонск — Новосибирск». Если бы на заснеженной насыпи оказался изнывающий от безделья зевака, пытающийся рассмотреть пассажиров скоростного экспресса, то у него бы ничего не вышло: все окна были плотно зашторены, даже лучик света не вырывался наружу, и что бы ни делали обитатели вагонов — пили ли чай, придерживая торчащие из стакана ложечки, читали ли при свете ночников детективы в пестрых обложках, или занимались любовью на толстых мягких диванах, — все это оставалось тайной за семью печатями. Впрочем, в несущемся экспрессе ничего подобного не происходило и происходить не могло. К тому же на пустынных сибирских просторах не встречалось любопытных, желающих разгадывать тайны проносящихся мимо поездов.

Поезд продолжал разгоняться. Ни одного огонька, ни одной транзисторной ноты, ни одной выброшенной бутылки, какой-то «летучий голландец», призрак... Кажется, что вот-вот он взлетит, втянется в световой туннель прожектора и бесследно исчезнет. Но чудес не бывает. Олицетворяющая мощь и стремительность цивилизации стальная лента пересекала безлюдный пейзаж, не нарушая законов бытия.

Пологим радиусом рельсы ушли влево, и сначала локомотив, а вслед за ним и вагоны скрылись за заснеженными деревьями. Какое-то время еще доносился отдаленный стук колес, но когда смолкли и его отголоски, в окрестностях вновь установилась звенящая первобытная тишина.

Стремительный поезд исчез, будто рассеявшийся мираж, но его мощь буквально наэлектризовала воздух, оставив ауру тревоги и какой-то разрушительной

силы. Энергетика постепенно слабела, остыва- 5
ли рельсы, всполошенный снег успокоенно осе-
дал по краям железнодорожной колеи. Снежинки про-
должали медленно планировать на округлые сугробы,
туман, разорванный черным локомотивом, стянулся,
принимая прежнюю бесформенную густоту. Все стало
как прежде. Одинокий поезд-призрак появился из ни-
откуда и ушел в никуда.

Часть 1

КТО ВЛАДЕЕТ ИНФОРМАЦИЕЙ, ТОТ ВЛАДЕЕТ СИТУАЦИЕЙ

Глава 1

ПРОМЕТЕЙ ВЫХОДИТ НА СВЯЗЬ

Яркое весеннее солнце отражалось в угрюмых небоскребах Нового Арбата, прогревало промерзшую за зиму землю, ласкало девушек, растянувших шубы, дубленки и простенькие пальтишки на ватине или синтепоне. Здесь было как всегда многолюдно, причем большинство составляли приезжие. Они, толкая друг друга, заполняли тротуары, толпились возле киосков с пиццей или шаурмой, заглядывали в магазины, хотя уже не так деловито и напористо, как несколько лет назад.

Тучный мужчина в дорогой дубленке «CHRIST», вышедший из подземного перехода, явно был москвичом, но почему-то стремился в эту толчею. Ему было сорок пять лет, но выглядел он на все шестьдесят, у него было широкое мясистое лицо, красное то ли от пристрастия к алкоголю, то ли от повышенного давления. Собственно, то, что лицо — маленькие, близко посаженные глаза, курносый нос, напоминающий некондиционную картофелину, пухлые губы цвета сырого мяса, — располагалось в круге диаметром десять-двенадцать сантиметров, все остальное пространство пустовало. Если бы удалось обрезать лишнее — висящие щеки, двойной округлый подбородок, толстую складку на шее, — мужчина помолодел бы лет на двадцать. Но он явно не нуждался в косметической операции: уверенные манеры, властность во взгляде и осанке, значительность каждого движения выдавали, что он вполне доволен собой.

Хотя, возможно, не сейчас: уже полтора часа 7 человек катался в метро, пересаживаясь с одной ветки на другую, и терся в толчее подземных переходов. От этих непривычных занятий он взопрел и пришел в крайнюю степень раздражения. В очередной раз оглядевшись по сторонам, мужчина подошел к краю тротуара и поднял руку. Любому, кто видел этот жест, бросилось бы в глаза, что он не привык останавливать случайные машины, зато поднаторел командовать персональным водителем. Впрочем, обычные прохожие в Москве не обращают внимания на чужие привычки.

Почти сразу возле коренастой, круглобокой, но на удивление прямой фигуры притормозила черная «Волга», человек в коричневой дубленке сел на заднее сиденье, положил на колени кожаный дипломат и, стараясь не щелкать замками, приоткрыл его. В простеганном шелковом нутре лежал прибор, похожий на популярный когда-то в СССР радиоприемник «Спидола». Человек выдвинул антенну и нажал кнопку проверки готовности. На панели зажглась зеленая лампочка — все в порядке. Он посмотрел налево.

«Волга» проезжала мимо казино «Метелица», как раз в его сторону и торчала направленная антенна. Если сейчас нажать вторую кнопку, то сжатый во времени импульс перебросит в «Метелицу» спрессованное сообщение, которое практически невозможно запеленговать. Но казино его не ждет, там некому принять и декодировать шифровку. Да она там никого и не интересуется.

«Волга» свернула на Садовое кольцо. В машине было жарко, и коренастый человек с широким лицом растегнул дубленку. Слева шел троллейбус, и это его беспокоило.

— Перестройтесь в левый ряд, — отрывистоскомандовал он и, опомнившись, добавил:

— Пожалуйста.

— Вам же надо к Дому писателей? — недоуменно спросил водитель.

8 — Нет... Я передумал... Высадите меня возле зоопарка...

Водитель пожал плечами, притормозил и выкрутил руль. Теперь слева не было никаких препятствий. Человек вытер пот с лица и глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Ничего не получалось: сердце отчаянно колотилось, виски будто обручем сдавило, стало трудно дышать.

Водитель, не спрашивая разрешения, закурил — протестная реакция на капризы пассажира. От дыма человеку в дубленке стало совсем плохо, но отвлекаться не было времени: машина приближалась к американскому посольству. Именно там круглосуточно ждут шифровку Прометей и сумеют ее прочесть.

Звездно-полосатый флаг приближался: сто метров, семьдесят, пятьдесят... Из-под шапки катились струйки пота, но он не мог шевельнуться, пальцы окостенели, пульс перевалил за сотню. Так и получают инфаркт или инсульт... Скорей бы все закончилось...

«Волга» поравнялась с флагом. Онемевший палец нажал кнопку, в голубом окошке побежал зигзаг отправления, в ту же секунду зеленая лампочка замигала желто-красным цветом. Значит, какие-то энергетические поля перебивают сигнал, временами заглушая его совсем... Следовало продублировать передачу, но человек впал в панику: вместо того, чтобы передвинуть клавишу и повторно нажать кнопку, он вдвинул обратно антенну и, даже не выключив передатчик, закрыл дипломат.

Казалось, что ничего не изменилось. Ровно гудел мотор «Волги», мерно двигался за окнами транспортный поток, менялись огни светофора, безразлично выпускал табачный дым водитель. Но это обманчивое впечатление. Произошло нечто ужасное, словно небо обрушилось на землю.

Его засекли!

Как удалось это сделать — неизвестно, но факт налицо!

Ни при одной из предыдущих передач не возникало никаких помех. Никаких!

Значит, его запеленговали?!

9

Бицжеральд уверял, что это невозможно, но его слова ничего не значат!

У американца дипломатический паспорт, и ему не пустят пулю в затылок в темном сыром подвале!

Что же делать?

Что делать?!

Что делать?!!

— Мы приехали, — раздался откуда-то из другого мира голос шофера. — Вот зоопарк.

— А? Что? Да, да...

Голос был таким, что водитель обернулся.

— Вам плохо? Еще чего не хватало... У меня совершенно нет времени!

Сейчас у тебя появится время. Распахнется дверь, ловкие жесткие руки выбросят пойманного шпиона на дорогу, наденут наручники. А водитель превратится в важного свидетеля, он будет испуганно оправдываться и проклинать ту минуту, когда посадил в машину замаскированного врага!

Мысли шевелились вяло, как засыпающие рыбы. Осознание краха всей жизни парализовало ожиревшее тело. Зачем он с ними связался? Чего ему не хватало? Он достиг вершин, получил солидную должность, генеральские погоны... Теперь придется падать с высоты: позор, мучения, смерть...

— Правда, я не могу вести вас в больницу. Хотите, я посажу вас на скамейку? На воздухе вам станет лучше...

Никто не распахивал двери, не крутил ему руки, не звенели наручники. Оцепеневшее сознание сделало вывод: значит, его не запеленговали! Надежда подействовала, как укол стимулятора.

— Да, да, я выхожу. Мне уже лучше. Вот, возьмите, — он сунул сотенную купюру в мгновенно подставленную ладонь.

Дверца захлопнулась, «Волга» резко взяла с места и исчезла в плотном транспортном потоке.

Нетвердыми шагами он отошел от края тротуара, тяжело оперся на книжный лоток.

10 — Что случилось? — розовощекий парень по другую сторону прилавка наклонился вперед, приносясь — не пьяный ли...

— Ничего, ничего...

Он выпрямился. Разгоряченное лицо обдуло ветром, сознание прояснилось. Под внимательным взглядом продавца человек в дубленке сунул в рот таблетку нитроглицерина и перевел дух.

— И-и-и, богатые тоже болеют, — откуда сбоку выдвинулось лицо старушки. — Когда деньги есть, и лечиться легче. Но и деньги не всегда помогают...

Дав ей пятьдесят рублей, генерал направился к метро и затерялся в бурлящей толпе.

* * *

Шпаковская — небольшая станция под Ставрополем. Но значение для железнодорожных перевозок она имеет немалое, потому что именно здесь расходятся пути составов, идущих на Кавминводы и на столицу Калмыкии. Здесь переформируются пассажирские поезда и товарняки, перетаскиваются от одного состава к другому купейные и плацкартные вагоны, цистерны и грузовые платформы. Например, вагон «Краснодар — Элиста» отцепляется от поезда «Адлер — Кисловодск» и, простояв на свободном пути два часа, прицепляется к скорому «Москва — Элиста».

Пассажиры в ожидании курят у обездвиженного вагона, прогуливаются взад-вперед по выщербленной платформе, а наиболее отчаянные отправляются обследовать станцию, покупать пиво в буфете или фрукты для симпатичных попутчиц. Делают это, как правило, молодые бесшабашные люди, которые не боятся отстать от поезда. Пассажиры постарше и поопытнее предпочитают не отходить от вагона, потому что научены жизнью и знают: расписание расписанием, но всегда надежнее не отдаляться от своих вещей и гарантированной плацкарты, ибо пути Господа и железнодорожных, как впрочем и любых других властей, неисповедимы.

А неожиданности если и случаются в жизни, то всегда неприятные. Здесь они на сто процентов правы.

В тихий майский вечер из громкоговорителей станции Шпаковская металлически громыхнул напряженный голос диспетчера: «Внимание, пассажиров вагона «Краснодар — Элиста» просим срочно занять места в вагоне в связи с маневровыми работами!»

Объявление повторили, через минуту раздалось следующее: «Граждане пассажиры, в связи с производством маневровых работ на первом и втором пути просьба отойти от края платформы и соблюдать осторожность при передвижении по станции!»

От идиллической тишины и спокойствия провинциальной станции вмиг ничего не осталось: оживленно заговорили служебные рации, с короткими гудками суетливо засновали по путям два маленьких маневровых тепловоза, высыпали на рельсы бригады путевых рабочих в оранжевых жилетах, с красными и желтыми флажками, тяжелыми железнодорожными фонарями и короткими аварийными ломиками.

Прицепной вагон стали перегонять в отстойник, за ним от здания вокзала испуганно бежали искатели приключений с пивом и горячими пирожками. Они прыгали через рельсы, скакали через шпалы, ныряли под колеса маневрового тепловозика, нацеливающегося увести со второго пути грузовой состав. Отстав от молодых попутчиков, и проклиная себя за глупость и неосмотрительность, тяжело шкандылял вдоль платформы пожилой дядечка с растрепанной седой шевелюрой, в пижаме, шлепанцах и с двумя бутылками «Балтики № 3», бережно прижимаемыми к груди. Ему в основном и доставались возмущенные гудки тепловозика, матюки рабочих и свистки дежурного по перрону. Он вжимал голову в плечи, прятал глаза и еще сильнее прижимал пиво к груди.

Наконец сумятица улеглась, первый и второй пути освободили, путевые бригады простукали звонко отзывающиеся рельсы, проверили стрелки, диспетчер уже спокойно произнес в многоваттный динамик стандарт-

12 ную фразу: «Граждане пассажиры, будьте внимательны и осторожны, по первому пути проследуйте состав поезда!»

Вдоль перрона, сбавив скорость, но ходко проследовал пассажирский состав. Он был не совсем обычным. Не стояли на площадках новеньких синих вагонов ладные проводницы с флажками в руках, не глазели на очередную станцию заспанные отпускники и утомленные дорогой командировочники, не шипел сжатый воздух и не скрипели прижимаемые им к колесам тормозные колодки. Поезд с наглухо занавешенными окнами и запертыми дверями не остановился и, миновав центр станции, принялся набирать скорость. «Москва — Элиста» — читали железнодорожники и пассажиры на белых эмалированных трафаретках, которые на самом деле были двойными и на оборотной стороне имели надпись «Москва — Кисловодск». Три путевых рабочих проводили хвост поезда задумчивыми взглядами.

— Дядя Федор, а чего это московский на час раньше идет? — спросил замызганный парнишка в порванном оранжевом жилете у своего седоусого наставника. — И прицепной вагон не взял...

Дядя Федор промолчал, вместо него ответил Сашка Яковлев.

— Это не тот московский, это литерный, он вне расписания идет. Где ты видел такие короткие составы? Салага ты, Генка. Головой думать надо. Беги, лучше, чайник включай, там небось совсем все остыло...

Через несколько минут в маленькой обшарпанной комнате дорожного резерва разговор продолжился.

Чайник закипел по новой, надкусанные бутерброды заветрились, но путевые рабочие не придают значения подобным мелочам, поэтому как ни в чем не бывало продолжили трапезу.

Федор Бичаев на правах старшего неспешно снял с электроплитки вскипевший чайник, налил бурлящей воды в три граненых стакана, сыпанул «Краснодарского байхового» — себе и напарнику Сашке Яковлеву по-

больше, ученику Генке поскупее, крикнув, сел на 13
неустойчивую колченогую табуретку.

— А кого он возит, этот литерный? — спросил Генка, шмыгая носом.

Бичаев, который много повидал в жизни и в молодые годы имел прозвище Бич, в очередной раз промолчал. С легкой усмешкой выудил из кармана спецовки измятую пачку «Беломора», дважды сжал шершавыми пальцами мундштук папиросы, не торопясь закурил.

— Кого, кого, — отозвался Яковлев. Он считался человеком несерьезным, оттого и звали его на шестом десятке Сашкой, как мальчишку.

— Кого надо, того и возит. Лет двадцать назад литерных много было, потом пропали. Теперь вот опять объявились.

— Так кто в них ездит-то? — не унимался Гена Аликаев, недавний десятиклассник, привыкший к ясности и однозначности школьных уроков.

— Того нам знать не положено, — отхлебнул горячего чаю Яковлев.

— Это же спецпоезд. Может, из правительства кто... Или иностранцы. Шут его знает, одним словом. Люди разное болтают...

— А чего болтают-то? — не на шутку заинтересовался Генка. Он даже забыл про бутерброд.

— Один мужик клялся, что занавесочка отодвинулась, а там — Сам! Улыбнулся ему и даже рукой помахал.

Бич снова крикнул, на этот раз неодобрительно.

— Семена Маркелова весь город знал, брехун, каких мало, — сказал он, выпуская в сторону сизый ядовитый дым.

— А кто не брехун? — возразил Сашка. — Не врешь, красиво не расскажешь! Только обычно как — раз приврал, два, ну три, — потом брехня и забылась. А Маркелов эту историю сто раз повторял. Зачем столько врать-то?

— Сто раз! — недовольно повторил Бичаев. — И до повторялся! Пришли к нему ночью ангелы в фуражках,

14 весь дом вверх дном перевернули, а потом засунули в «воронку» и увезли. Восемь лет отмотал за свои повторы!

— Да ты что, Бич! — возмутился Сашка. — Он за кражи пошел! Тогда целую группу сцапали — сцепщики, маневровщики... Им диспетчер наводки давал, а они вагоны с ценным грузом потрошили!

— За кражи, — по-прежнему недовольно пробурчал Бичаев. — Много ты знаешь. Он там особенно и замешан не был. Я думаю, за болтовню ему срок вкатили! «Самого видел, мне Сам рукой помахал!» Вот и доболтался!

— Подождите, так кого он видел? — перебил старших Генка. — Какого Самого?

— Кого, кого... Товарища Сталина, вот кого! Он когда ехал, вдоль полотна с каждой стороны стояли — кто в форме, кто в штатском. Через каждые сто метров!

— Подожди, Бич, у тебя совсем крыша съехала? Сталин умер давно! — Сашка Яковлев обличающе наставил на Бича указательный палец. — А это когда было? Лет двадцать, наверное.

— Больше, — Бич загасил папиросу. — Ну не Сталина, так Хрущева или Брежнева. Какая разница? Главное, короче, видел, Хозяина. И тот ему рукой помахал. Вот за эту брехню свой восьмерик и получил.

— Слышь, дядя Федя, а почему у этого поезда вагоны такие? С заклепочками вдоль крыши? — снова влез в разговор Генка.

— Вагоны как вагоны, не придумывай. И вообще, сказал я вам, нечего про литературный поезд болтать. До добра это не доведет!

Яковлев построжал лицом и уткнулся ртом в стакан, а Генка засмеялся.

— Да бросьте, дядя Федя! Сейчас за это не сажают. Вон Петька Васильев из нашего класса двоих прохожих ножом порезал, и то ему условно дали!

И уже серьезно спросил:

— Он где-нибудь останавливается, этот литературный?

Но старшие оставили вопрос без ответа.

* * *

Преддипломная стажировка в войсках завершилась в июне, и Александр Кудасов набрал по ней высшие баллы. Практическая баллистика — «отлично», материальная часть — «отлично», расчет траектории — «отлично».

— Сейчас стобалльную систему хотят ввести, я бы тебе по сто за каждый предмет поставил! — сказал руководитель стажировки майор Попов. — Такого курсанта я еще не встречал! Хочешь **ту самую** кнопку потрогать?

Часть, в которой служили стажеры, обслуживала три межконтинентальные баллистические ракеты шахтного базирования, упрятанные глубоко под землю и прикрытые трехметровыми бетонными крышками, на которых росли стройные серебристые ели. Их не было видно ни с земли, ни с воздуха, ни даже из космоса, хотя все, кому надо, были осведомлены об их существовании. И те, кому не надо, — тоже. Для штабов вероятного противника месторасположение МБР-12, МБР-13 и МБР-14 тайны не составляло.

— На то и разведка: они про нас все знают, и мы про них, — буднично рассказывал майор Попов. Он занимал должность начальника боевой смены и разбирался в профессии ракетчика гораздо лучше, чем многие преподаватели училища.

— Главное, у кого техника четко сработает, кто точней выстрелит. Ну и, конечно, кто первым ударит.

— А если противник первым начнет? — этот вопрос интересовал всех без исключения стажеров, которые подсознательно надеялись получить успокаивающий ответ. Но майор Попов был реалистом.

— Тогда продолжительность нашей жизни определится временем подлета. При запуске из Аризоны — тридцать минут, с подводного крейсера — пятнадцать. Но мы должны успеть выпустить своих «голубей». Кровь из носу — должны! Потому и отрабатываем все время нормативы, сокращаем время готовности... Если успели, значит, задачу выполнили. Наши «карандаши»